

© 1996 г. Д.О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В СЕМАНТИКЕ ИДИОМ*

Известно, что концепт небезразличен к своей языковой манифестации. Поэтому, если в языке существует ряд идиом, по-разному выражающих один и тот же концепт (ср., например, такие понятия, как "страх", "гнев/ярость", "радость", "страдание", "смерть", "бедность", имеющие разнообразные формы выражения в идиоматике многих европейских языков), то есть основания считать, что мы всякий раз имеем дело не с тождественным самому себе концептом, а с разными концептуальными вариантами и соответственно с разными семантическими структурами. Так, например, страх, от которого *в жилах стынет кровь*, отличается от страха, от которого *дрожат колени*. Поскольку для идиом в большинстве случаев характерно наличие более или менее живой внутренней формы, то при описании их значения целесообразно наряду с прочими компонентами плана содержания принимать во внимание и образную составляющую.

Ниже приводятся некоторые соображения относительно природы образной составляющей и ее реально наблюдаемых лингвистических следствий.

1. ОБРАЗНОСТЬ ИДИОМ В КОГНИТИВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

1.0. Различные точки зрения на природу образности, ее когнитивный статус и роль в понимании идиом, высказываемые в работах, основанных на экспериментально-психологических методах, принципиально сводимы к двум конкурирующим концепциям, первая из которых может быть названа "концептуально-метафорической гипотезой", а вторая – "гипотезой интерференции".

1.1. "Концептуально-метафорическая гипотеза" ассоциируется в первую очередь с работами Р. Гиббса и его коллег [Gibbs, 1990; 1993; Gibbs, O'Brien 1990; Nayak, Gibbs 1990]. Суть этой гипотезы сводится к следующему. Образная мотивация идиом основывается не на конкретных визуальных представлениях, спровоцированных буквальным прочтением соответствующей идиомы, а на достаточно абстрактных способах интерпретации одних сущностей в терминах других, например, СОЗНАНИЕ – ЭТО КОНТЕЙНЕР, ЯРОСТЬ – ЭТО ЖАРА, ЛЮБОВЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ и т.п. [Lakoff, Johnson 1980; Kövecses 1986; Lakoff 1987; 1993]. Эти способы интерпретации зафиксированы в языке и являются частью мировосприятия данного языкового и культурного сообщества. Р. Гиббс называет их, вслед за Дж. Лакоффом, "концептуальными метафорами" (conceptual metaphors). Более удачным, однако, представляется термин "метафорическая модель" (ср. [Баранов, Караулов 1994]), которым мы и будем пользоваться в дальнейшем изложении.

* Данная работа частично выполнена во время пребывания автора на кафедре проф. Й. Матешича в Мангеймском университете в качестве стипендиата Фонда А. Гумбольдта. Автор благодарит Фонд и проф. Й. Матешича за прекрасные условия работы. Автор выражает глубокую признательность акад. Ю.Д. Апресяну и участникам его семинара, на котором был обсужден доклад, легший в основу этой статьи.

Согласно Р. Гиббсу, английские идиомы *spill the beans* и *let the cat out of the bag* обладают идентичной образной составляющей. Интерпретация и той и другой идиомы основана на одновременной активации двух метафорических моделей: СОЗНАНИЕ – ЭТО КОНТЕЙНЕР и ИДЕИ – ЭТО ФИЗИЧЕСКИЕ СУЩНОСТИ (MINDS IS A CONTAINER and IDEAS ARE PHYSICAL ENTITIES). В пользу подобной интерпретации говорят результаты проведенных экспериментов, основанных на методе прямого опроса, что позволило квалифицировать идиомы типа *spill the beans* и *let the cat out of the bag* как полные синонимы со значением "to reveal a secret" ("раскрыть секрет; сделать известными другим лицам некие факты, которые предполагалось держать в секрете от этих лиц") [Gibbs 1990: 432–433].

При всей кажущейся убедительности экспериментальных данных концепция Гиббса не дает возможности описать некоторые интуитивно ощущаемые семантические различия между близкими по значению идиомами. Являются ли, например идиомы *spill the beans*, *let the cat out of the bag*, *blow the lid off* действительно полными синонимами? С точки зрения "концептуально-метафорической гипотезы" на этот вопрос должен быть дан утвердительный ответ, однако это вступает в противоречие с языковой интуицией, на что указывает сам Р. Гиббс [Gibbs 1990: 421]. *Spill the beans* используется в ситуациях, когда агент раскрывает личные секреты какого-либо другого лица, а *blow the lid off* скорее может использоваться в ситуациях, когда речь идет о разоблачении секретов, связанных, к примеру, с коррупцией. В рамках "концептуально-метафорической гипотезы" эти факты не находят объяснения.

Различия в употреблении данных идиом основываются на специфике образной составляющей их значения. *Blow the lid off* активировывает в сознании представление о кипящем котле, закрытом крышкой. Открывание крышки соответствует по логике взаимодействия области источника и области цели (source domain и target domain по Дж. Лакоффу [Lakoff 1987]) идее намеренного предоставления доступа к секретной информации. Тот, кому удастся заглянуть в котел, получает информацию о процессах и событиях, скрытых от наблюдения в стандартной ситуации. Такая интерпретация поддерживается традиционным сопоставлением не предназначенных для широкой огласки действий (часто носящих вспомогательный, инструментальный характер) с кухней. Ср. *кухня писателя*, *политическая/театральная кухня* и т.п. *Spill the beans*, вызывая в сознании представление о рассыпанной фасоли, соответствует идее случайного, непреднамеренного выбалтывания секретов. В отличие от приоткрывания контейнера, предполагающего активную роль наблюдателя (*blow the lid off*), нечаянное обнаружение содержимого контейнера (*spill the beans*) навязывает участникам ситуации (агенту и адресату) несколько иные роли. Другими словами, эти идиомы активировывают разные исходные фреймы, что влечет за собой различия в результирующих фреймах, т.е. структуры знаний, лежащие в основе семантики этих идиом, неидентичны [Баранов, Добровольский 1990].

1.2. "Гипотеза интерференции" [Cacciari, Glucksberg 1991; Cacciari, Rumiatì, Glucksberg 1992] предлагает иной, во многом противоположный, взгляд на зафиксированные в идиомах образы. Основной постулат этой концепции заключается в следующем: идиомы вызывают в сознании образы, которые базируются исключительно на прямых вызывающих компонентах соответствующих идиоматических выражений (ср. сходные наблюдения в работах [Simpson 1981; Tabossi 1988; Rayner, Frazier 1989]). Эти образы не зависят ни от метафорических моделей, ни от актуального значения идиомы. Более того, они могут вступать в явные противоречия с актуальным значением (отсюда и название "гипотеза интерференции").

В статье К. Каччари, Р.И. Румиати и С. Глаксберга [Cacciari, Rumiatì, Glucksberg 1992] описана серия экспериментов, проведенных с целью верификации этой гипотезы. На первой стадии эксперимента ставилась задача получить идиом, гетерогенные по двум независимым параметрам: (а) по степени употребительности и (б) по степени семантической прозрачности. В соответствии с традиционными пред-

ставлениями о природе образной мотивации можно ожидать, что семантически прозрачные идиомы скорее интерпретируются через прямые значения компонентов, особенно если эти идиомы малоупотребительны и нуждаются в более сознательном осмыслении. С другой стороны, логично предположить, что употребительные семантически непрозрачные идиомы не должны вызывать образов, базирующихся на прямых значениях компонентов, поскольку в этом случае более коротким и когнитивно рациональным способом их понимания является непосредственное обращение к актуальному значению.

В результате опроса испытуемых, проведенного на второй стадии эксперимента, выяснилось, что вопреки этим ожиданиям образы, провоцируемые идиомами, в подавляющем большинстве случаев базируются на прямых значениях компонентов. Причем ни степень семантической прозрачности, ни степень употребительности идиомы не оказывает заметного влияния на характер образных представлений.

При анализе этих результатов с лингвистической точки зрения возникает ряд вопросов, обсуждение которых может оказаться полезным для уточнения характера образной составляющей и ее статуса в плане содержания идиом. Наиболее существенным в связи с этим представляется вопрос, насколько полученные результаты лингвистически релевантны. Не обсуждая здесь адекватность использованных экспериментальных методик, заметим, что полученные результаты свидетельствуют лишь о том, что те или иные конкретные носители языка связывают с определенными идиомами те или иные образные представления. Можно предположить, что образные представления как собственно ментальный феномен являются сугубо индивидуальными и в принципе не подлежат обобщению, а, следовательно, и лингвистической интерпретации. Для лингвистического описания семантики идиом интересны, по-видимому, лишь те элементы ментального образа, которые находят языковое выражение (чаще всего в виде определенных ограничений на сочетаемость и/или ситуативных ограничений).

1.3. Образный потенциал идиомы – это, по-видимому, более комплексный и разносторонний феномен, чем то, что следует понимать под языковым образом или внутренней формой лексической единицы в лингвистических исследованиях. При актуализации идиомы перед мысленным взором говорящих могут возникать квазивизуальные образы, которые в определенных условиях (ср. ситуацию экспериментального опроса) могут ими сознательно описываться и истолковываться и которые, как правило, никак не связаны с актуальным значением соответствующих идиом. Более того, проведенные нами в 1992–1994 гг. фрагментарные опросы носителей немецкого языка показали, что при восприятии определенных идиом в памяти возникает не лежащий в их основе образ, а ситуация, в которой опрошенные впервые услышали данную идиому. Следовательно, вызываемые идиомами квазивизуальные ассоциации могут быть вообще не связаны ни с прямыми значениями компонентов, как утверждает "гипотеза интерференции", ни с метафорическими моделями, как это следует из "концептуально-метафорической гипотезы".

Независимо от этих квазивизуальных представлений в языковой интуиции за каждой мотивированной идиомой закреплено некое знание, выводимое из исходной концептуальной структуры и, как правило, не регистрируемое сознанием (ср. понятие "образно-схематической структуры" в теории метафоры Дж. Лакоффа [Lakoff 1993]). Актуальное значение идиомы, понимание как образовавшаяся в результате метафорического или реже метонимического переноса семантическая структура, наследует и инкорпорирует определенные черты исходного фрейма или сценария. Так, идиома *носить воду решетом* означает не просто 'делать что-либо заведомо впустую, без результата' [ФСРЯ 1986; СФСРЯ 1987], а 'заниматься какой-либо целенаправленной деятельностью, используя совершенно не подходящие для достижения этих целей средства, что с необходимостью приводит к неудаче'. Ср. для контраста идиому *переливать из пустого в порожнее*, к которой это толкование неприменимо. С семантической точки зрения совершенно несущест-

венно, какую воду и какое решето представляют себе при этом те или иные носители русского языка и представляют ли они себе что-либо вообще. Важно общее для всех знание о том, что решето является непригодным для ношения воды инструментом (см. подробнее [Добровольский 1988]). Активируясь идиомой, это знание обеспечивает когнитивную базу для естественного языкового вывода и входит в план содержания данной идиомы. Речь идет, следовательно, не о квазивизуальных представлениях, а об операциях над знанием.

Роль когнитивных следов исходного смысла в плане содержания идиомы может быть различной и зависит от степени ее семантической прозрачности. Наибольший интерес для семантического анализа представляют, по-видимому, те случаи, в которых связь актуального значения с исходным фреймом не является самоочевидной, так что ее отражение в структуре толкования носит нетривиальный характер.

Заметим, что в данной статье не ставится вопрос о способах фиксации образной составляющей в структуре толкования (соответственно представленная выше парафраза имеет чисто рабочий характер). Этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения. Его решение зависит в конечном итоге от семантической теории, в рамках которой формулируются толкования, от требований, предъявляемых к метаязыку. Ср. связи с этим сформулированное И.А. Мельчуком и Т. Ройтером толкование немецкой идиомы *etw. (nicht) übers Herz bringen können*, которое содержит экспликацию символического потенциала "сердца" и его семантических следствий [Mel'čuk, Reuther 1984], или предложенный в [Телия 1991] подход к описанию значения ряда русских идиом, который допускает прямую отсылку к внутренней форме, вводимую оператором "представь себе". Не исключено, что для разных типов идиом целесообразно искать разные способы описания образного компонента значения.

Для целей данной статьи важно лишь указать на существенные характеристики образной составляющей: независимо от того, как она фиксируется в структуре толкования и фиксируется ли вообще (ср. представление идиом в традиционных словарях), образная составляющая является частью плана содержания идиомы (как, впрочем, и слов с метафорическим значением)¹. Доказательством этого положения могут служить нетривиальные семантические эффекты, обусловленные спецификой образа. Покажем это на примере. Значение английской идиомы *fall off the back of a lorry* ("выпасть из кузова грузовика") описывается в [Longman 1979] как "to be stolen" ("быть украденным"). Между тем наблюдения за употреблением этой идиомы показывают, что сфера ее функционирования строго ограничена, причем эти ограничения выводимы из образа.

Идиома *fall off the back of a lorry* употребляется в ситуации, когда речь идет о продаваемых (как правило, на улице) товарах, неправдоподобно низкая цена которых вызывает подозрения в том, что они были украдены или закуплены по нелегальным каналам. Ср. пример из [Longman 1979]: *these watches were so cheap I think they fell off the back of a lorry* ("эти часы были настолько дешевы, что я подумал, уж не ворованный ли это товар"). Естественного языкового вывода обеспечивается за счет использования своего рода нестандартной эвфемистической замены. Реализуемый при этом ход рассуждений может быть описан примерно следующим образом. Столь низкая цена может объясняться двумя причинами: либо товар украден, либо он выпал из кузова грузовика при транспортировке, а продавец подобрал его на дороге. Хотя явно имеется в виду первое, ситуация описывается таким образом, как если бы имело место второе, что обеспечивает дополнительный юмористический эффект.

Особенности употребления этой идиомы базируются не на визуальном образе грузовика или выпавшего из его кузова предмета и не на метафорической

¹ На тот факт, что метафорический компонент является частью семантической структуры ряда слов (в частности слов, обозначающих эмоции), указано в [В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян 1993], где предложены также соответствующие толкования.

модели, увязывающей область источника ("контейнер") с областью цели ("кража"), а на достаточно комплексных операциях над "обыденным" знанием, отправной точкой которых является буквальное прочтение идиомы.

С теоретической точки зрения интересна ставшая очевидной в результате анализа когнитивно-психологических концепций фразеологии возможность рассмотрения и описания ментальных образов на трех различных уровнях:

- (i) на уровне индивидуальных квазивизуальных образных представлений;
- (ii) на уровне (бессознательного) учета следов буквального прочтения идиомы при ее употреблении;
- (iii) на уровне абстрактных отношений между областью источника и областью цели.

Эта трехуровневая модель объясняет, почему в рамках рассмотренных в 1.1. и 1.2. концепций были получены столь различные результаты. "Гипотеза интерференции" ориентирована на уровень (i), а "концептуально-метафорическая гипотеза" – преимущественно на уровень (iii). Интересно, что обе концепции оставили без внимания промежуточный уровень (ii), который представляется базовым с точки зрения лингвистических аспектов образности.

2. СПЕЦИФИКА ОБРАЗА И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ

2.0. На основе изложенных в предыдущем разделе соображений могут быть сформулированы некоторые гипотезы относительно природы образной составляющей в значении идиом:

– образная составляющая основана не на квазивизуальных представлениях, а на знании и операциях над ним;

– семантически релевантные особенности образа проявляются на среднем уровне абстракции, ориентированном на "обыденные знания" (ср. популярную в семантике прототипов идею базового уровня категоризации как основы наивной концептуализации мира);

– эти знания служат не только основой формирования актуального значения идиомы, но наследуются им и существуют (часто в виде свернутых концептуальных структур) как его часть, что и позволяет говорить об образной составляющей в значении идиом;

– образная составляющая выполняет функции модификатора соответствующего концепта, позволяя осуществлять семантическую дифференциацию внутри поля по несколько иным основаниям, чем это возможно с помощью слов в прямых значениях (в отличие от однословных метафор, которые в этом отношении не обнаруживают принципиальных отличий от идиом); в этой дифференцирующей функции, по-видимому, следует искать причину существования в языке большого количества близких по значению идиом;

– наличие образной составляющей в плане содержания проявляется в различного рода сочетаемостных и/или ситуативных ограничениях, описание которых может служить диагностическим инструментом: там, где нет различий в употреблении, нет и лингвистически релевантных различий в образной составляющей².

В этом разделе нас будут занимать прежде всего две последние из перечисленных гипотез. Если они верны, то идиомы одного семантического поля с разными образными составляющими должны по-разному вести себя в речи.

Для проверки этого предположения обратимся к идиомам поля "порицание/наказание" и попытаемся на примерах проследить за особенностями их употребления³.

² Заметим, что обратное неверно, так как различия в употреблении могут быть обусловлены и другими причинами.

³ При подготовке статьи использовалась база данных по современной русской идиоматике, разработанная в отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН.

2.1. Идиомы "порицания/наказания": образ и актуальное значение

2.1.1. Идиома *вызвать на ковер* употребляется исключительно в ситуациях, когда речь идет о достаточно высоко начальнике, предлагающем подчиненному явиться для получения вербального порицания за ошибки и просчеты в работе. Подчиненный вызывается для этих целей в соответствующую инстанцию (типа министерства, ведомства высокого ранга, дирекции), ср. пример (1–3). Вполне возможной представляется ситуация, в которой статусные различия между агенсом и пациенсом настолько велики, что первый может быть лично не знаком с последним. Важно, что оба участника ситуации принадлежат к одной и той же профессиональной сфере, занимаая определенные места в единой иерархии.

(1) "Допустим, лейтенант КГБ ловит валютную проститутку. А она оказывается капитаном КГБ. И вместо ареста проститутку лейтенанта самого *вызывают на ковер*, где только что давала полковнику (отчет) красивая и злая капитан". [А. Минкин. "Столица"]

(2) "Тут все понеслось, закрутилось, собственное начальство *вызывает на ковер*... а опытные да тертые нашептывают: повинись ..., не то вылетишь на улицу." ["Столица"]

(3) «В начале июня прошлого года генерал Попов объявил личному составу Главного следственного управления МВД СССР, что 12 июня – день выборов президента – в министерстве будет рабочим днем. 12 июня в следственной части не вышли на работу лишь три сотрудника: подполковник Савченко, подполковник Поляков и капитан Герасимов. На следующий день генерал Попов *вызвал* Савченко *"на ковер"*, обвинил его в нарушении присяги, назвал *"антикоммунистом"* и *"психически больным"*» ["Столица"]

Заметим, что не все семантические отличия данной идиомы от других идиом поля "порицания/наказания" выводимы из особенностей образа. Так, наличие семантического компонента 'предложить явиться' мотивируется скорее значением глагола *вызвать*, чем образом в целом. С другой стороны, очевидно, что образная составляющая играет определенную роль в спецификации статусных отношений между участниками ситуации. Независимо от этимологии идиомы (которая, как это часто бывает во фразеологии, достаточно спорна) *ковер* прочитывается сегодня как атрибут начальственного кабинета и вызывает ассоциации, накладывающие соответствующие ограничения на употребление.

2.1.2. Идиома *снять голову* вызывает представление о совершенно ином виде порицания/наказания, ср. невозможность ее подстановки ни в один из контекстов (1–3). В ее плане содержания присутствуют следы образа казни. *Снять голову* может только некто, облеченный властью, некто, кому дано право казнить и миловать. В отличие от *вызвать на ковер*, в основе значения этой идиомы лежит не идея вербального порицания, связанного с неприятным для пациента вызовом в кабинет начальника, а идея очень серьезного санкционированного наказания, реализация которого не предполагает обязательный личный контакт агенса и пациенса (т.е. агенс может действовать через посредников-исполнителей), что подтверждается предпочтительностью неопределенно-личных форм типа *С меня за это голову снимут*. Если в *вызове на ковер* присутствует интенция исправить поведение пациенса, то *снятие головы* имеет целью прежде всего наказать его.

(4) "Александр Иванович, не соблазняйте, с меня *голову снимут!*" [Викт. Ерофеев. Трехглавое детище]

(5) "– Но без храпа, – Убей-Папу умоляюще посмотрел на Дьякова, – скажите ему. За храп с меня *голову снимут.*" [Л. Мончинский. Черная свеча]

(6) «"Да с меня же *голову снимут*, условно-досрочное освобождение на носу, все заслуги перечеркнул, – жаловался начальник штаба» [В. Делоне. Портреты в колючей раме]

Примеры, показывают, что наиболее предпочтительным является употребление идиомы в контекстах опасения, а не угрозы, как это утверждается в [ШФСРЯ 1989]. Причем нежелательность употребления идиомы в речевых актах угрозы (ср. ? *Я с тебя голову сниму* при норме *Я тебе голову оторву* – см. 2.1.3.) мотивирована базирующейся на образе идей санкционированности наказания и дистантности личных сфер агенса и пациента. По-видимому, образная составляющая вызывает представление не столь серьезном наказании, что более естественным оказывается употребление идиомы в характерных для контекстов опасения формах гипотетического будущего времени. Эта идиома практически не употребляется в прошедшем времени: ?? *С него сняли голову* (ср., однако, *Его вызвали на ковер*).

2.1.3. Несмотря на кажущуюся близость идиом *снять голову* и *оторвать голову*, между ними обнаруживаются достаточно существенные различия, восходящие к нетождественности образной составляющей. Если понимать образ не как визуальное представление об отделении головы от туловища, а как активацию релевантного фрейма, то становится очевидным, что *отрывание головы* и *снятие головы* должны рассматриваться как элементы разных концептуальных структур. Косвенным подтверждением этого является различие в моделях управления этих идиом: *снять голову с кого - либо* vs. *оторвать голову кому - либо*. Образная составляющая идиомы *оторвать голову* связана не с идеей казни, а с гипертрофированным представлением о нанесении телесных повреждений (не исключающих элементы физической борьбы между участниками ситуации), когда агент наказывает пациента не официально данной ему властью, а по праву сильного и/или старшего.

(7) «"Москвич! За что такая честь! Ты кто – блатной или активист? За что сидишь?" – загудел барак. "Кончай базар, – зорал бугор, – к новичку никаких вопросов. За что надо, за то и сидит. Спите, гады. А ты смотри, помалкивай, не то голову оторву," – отнесся он ко мне» [В. Делоне. Портреты в колючей раме]

Идиома *оторвать голову* оказывается по образному основанию ближе таким выражениям, как *вырвать/выдрать ноги* или *уши оборвать*, чем идиоме *снять голову*. (Все эти идиомы совпадают и по модели управления.) Образ нанесения телесных увечий в целях наказания исключает ситуацию, участники которой находятся в формальных отношениях. Ср. естественность употребления идиомы *уши оборвать* по отношению к детям, а также угрозу, адресуемую мужем своей жене, из известной песни В. Высоцкого:

(8) "С агрономом не гуляй – ноги выдерну / Можешь раза два пройтись с председателем." [В. Высоцкий. Два письма]

В противоположность выражению *снять голову*, для идиом этого типа наиболее предпочтительными оказываются контексты угрозы, что мотивировано неформальными отношениями между участниками ситуации. Если безлично-санкционированное наказание исключает контексты угрозы, в которых могут употребляться идиоматические выражения, то для людей, находящихся в едином "жизненном пространстве", естественно предположить собственно наказанию неформальную, часто шутливую, угрозу.

Интересно, что для этой группы идиом также нехарактерны формы прошедшего времени. ?? *Он оторвал ему голову/оборвал уши/вырвал ноги*. Употребление идиомы в прошедшем времени как бы переводит ее в буквальный план. Уместная в контексте неформальной угрозы сюрреалистичность образа, работающая на усиление идлокуции, оказывается неуместной в описательных контекстах. В пользу этой аргументации говорит также тот факт, что семантически наиболее близкие этим выражениям идиомы с менее ярким образом *задать перцу*, *задать на орехи*, *разделить под орех* допускают употребление в прошедшем времени.

Здесь, как и везде, речь идет лишь о тех значениях анализируемых идиом, которые являются элементами поля "порицания/наказания". Большинство из рассматриваемых

идиом многозначны (в ряде случаев можно даже говорить о регулярной полисемии – ср. идиомы типа *дать жизни, намылить шею* в значении физического и нефизического воздействия) [СФСРЯ 1987]). Так, для идиомы *разделить под орех*, помимо рассматриваемого здесь, на основании имеющихся контекстов употребления могут быть выделены еще по крайней мере следующие значения:

1. 'оказывать на кого-либо целенаправленное физическое воздействие агрессивного характера, проявляя при этом особое усердие и тщательность': "Славную, славную задали вы нам профилактику, милый доктор, уважили, называется, на закате лет: только жилы похрустывали. Вылечить, может быть и не вылечили, но *разделали под орех*. Какое уж тут понарошку, когда по всей форме использовали." [Саша Соколов. Палисандрия]

2. 'участвуя в спортивном состязании и обладая значительным превосходством в умении и/или перевесом сил, нанести противнику сокрушительное поражение': "Была там какая-то волейбольная команда, о ней и не слышал никто, а Пильдин, тут уж ничего не скажешь, играл классно, и в распасовочке и у сетки. Команду сделал – гремела... Но где гремела? В наших кругах. Хоть люди и молодые, еще никому не известные, а как-никак засекаченные, так что приходилось им много играть просто со своими же старшими товарищами с Литейного и с командами воинских организаций. Народ молодой, азартный, и *разделявали* они своих старших товарищей *под орех*." [М. Кураев. Ночной дозор]

Очевидно, что речевые акты предпочтительного употребления могут быть различными для разных значений⁴.

2.1.4. Некоторые отличия от описанных в 2.1.1.–2.1.3. выражений обнаруживает идиома *прописать ижицу* (помимо того, что она менее употребительна и воспринимается как несколько устаревшая).

(9) "Через две недели после этого факта суд состоялся. А нарсудья тоже нервный такой мужчина попался – *прописал ижицу*." [М. Зошенко. Нервные люди]

Отличительные особенности идиомы *прописать ижицу* заключаются в том, что ее субъектная валентность заполняется актантом, обозначающим лицо, которое по статусу облечено властью *распорядиться* о наказании, не будучи одновременно исполнителем этого действия. Эта семантическая особенность восходит, по-видимому, к "письменному" характеру образа. Независимо от того, насколько это соответствует этимологии идиомы *прописать ижицу*, у современного носителя русского языка она вызывает ассоциации с письменным распоряжением (ср. (9)). С этим, по-видимому, связана важная особенность синтаксиса этой идиомы: пациенсная валентность остается, как правило, незаполненной. Опрошенные нами носители русского языка (вопреки данным словарей [ФСРЯ 1986; СФСРЯ 1987]) вообще сомневались в возможности сказать ? *Он прописал е м у ижицу*. Этот факт может найти объяснение, если принять аргументы с позиции образной составляющей: объектом, на который направлено непосредственное действие агенса, является не пациент, а текст. Характерно, что даже в явно авторском употреблении этой идиомы у В. Высоцкого дативная валентность остается незаполненной:

(10) "Ко мне с опаской движутся / Мои собратья прежние, / Двунюгие, разумные – / Два плешут – три в уме. / Они *пропишут ижицу*, / Глаза у них не нежные. / Один брезгливо ткнул в меня / И вывел резюме." [В. Высоцкий. Гербарий]

Казалось бы противоречащие контексты употребления типа (11) реализуют другое, устаревшее сегодня значение этой идиомы 'нанести сокрушительное поражение':

(11) "Пускай-ка, пускай их флот сунется к нашим фортам – е м у *пропишут ижицу*!" [С. Сергеев-Ценский. Севастопольская страда]

⁴ Следует отметить, что сфера регулярной полисемии в идиоматике не ограничивается рассматриваемыми здесь выражениями (ср., например, идиомы типа *за плечами, за спиной* в пространственном и временном значении) и должна стать предметом специального исследования.

2.1.5. Идиомы, образная составляющая которых связана с идеей очищения, отмыwania, насильственного приведения в порядок, обозначают не порицание и/или наказание в чистом виде, а своего рода воспитательное воздействие, т.е. порицание с целью исправить пациента, скорректировать его поведение в будущем. Ср. такие идиомы, как *продрать с песочком*, *прополоскать мозги*, *снять стружку*.

Попутно обратим внимание на одно представляющееся бесспорным, хотя и часто оспариваемое традиционной фразеологией положение: образность идиом не имеет качественных отличий от образности слов в метафорическом употреблении, речь идет скорее о количественных отличиях – для большинства идиом образность является конститутивным признаком. Так, идиома *продрать с песочком* в отношении образной составляющей ничем не отличается от глагола *пропесочить*. Это делает возможным обратиться в рамках предпринимаемого описания к следующему примеру:

(12) "Пришла война – моя вина, / И вот за ту вину / Меня *песочит* старшина, / Чтоб понимал войну. / Меня готовит старшина / В грядущие бои. / И сто смертей сулит война, / Моя вина, моя вина, / И сто смертей мои!" [А. Галич. Бессмертный Кузмин]

"Воспитательная" составляющая в значении глагола *пропесочить* (и соответственно идиомы *продрать с песочком*) с очевидностью восходит к зафиксированной в образе идее очищения, которая наследуется актуальным значением по принципу "очистить, отмыть от грязи" – это значит "сделать лучше, добиться адекватного поведения".

В идиоме *прополоскать мозги*⁵ эта идея получает в соответствии с модификацией образной основы дополнительный оттенок 'исправить мысли', и лишь как результат – 'скорректировать поведение', что сближает ее с выражением *выбить дурь из головы*. Ср. (возможно несколько нестандартное) употребление этой идиомы у В. Высоцкого:

(13) "Я снова планку сбил на два-двенадцать, / И тренер мне сказал напрому, / Что начальство в десятом ряду, / И что мне *прополоснут мозги*, / Если враз сей же час не сойду / Я с неправильной правой ноги." [В. Высоцкий. Песенка про прыгуна в высоту]

Для идиом этой группы нехарактерно употребление в контекстах опасения, что объясняется описанными выше особенностями значения. Сказать [?] *Боюсь, что меня продерут с песочком* так же странно, как сказать [?] *Боюсь, что меня исправят*. Эти ограничения в меньшей степени касаются идиом типа *здать головомошкой*. Возможно, это объясняется тем, что идея очищения, ассоциируемая с воспитательным воздействием, представлена в идиоме *здать головомошкой* в меньшей степени, чем в таких выражениях, как *продрать с песочком* или *снять стружку*, поскольку слово *головомойка* само по себе никогда не употребляется в буквальном значении "мытья головы" и, по-видимому, не активизирует соответствующий фрейм.

В определенном смысле идиомы этой группы напоминают выражение *вызвать на ковер* (ср. обязательность непосредственного контакта между агенсом и пациенсом в момент вынесения порицания, статусное неравенство участников ситуации, наличие интенции исправить поведение пациента в будущем) с той, однако, существенной разницей, что их употребление не ограничено ситуацией вызова в кабинет начальника. Порицание, выражаемое с помощью идиом типа *продрать с песочком*, может осмысляться как идущее на пользу пациенту, а отношения между ним и агенсом – как

⁵ Соответствующее значение реализуется у этой идиомы только в форме совершенного вида. Форма несовершенного вида *полоскать мозги* означает нечто вроде 'говорить что-либо заведомо ложное, пытаясь воздействовать на адресата в своих целях'. Ср. *Нечего мне тут мозги полоскать! Что я, не понимаю, что здесь происходит на самом деле!*

неформальные, хотя и асимметричные (ср. пример (12)). По этой причине появление идиомы *вызвать на ковер* в контекстах опасения, нехарактерных для рассматриваемых здесь выражений, представляется вполне возможным: *Как мы бы меня за это на ковер не вызвали, но? Как бы с меня за это стружку не сняли.*

2.1.6. В отличие от идиом, описанных в 2.1.5., выражения типа *дать жизни, дать духу* обозначают "чистое" наказание, не связанное с намерением исправить поведение пациента, ср. (14).

(14) "Федоровых-Смирнов тут оскорбительно захохотал, и Пантелей подумал, что, расправившись с Вадимом, вернется и *даст жизни* грязному шакалу-антисемиту, а звезд балета уведет к себе на чердак и ляжет с ними, с тремя, а писать ничего не будет ни сегодня, ни завтра, никогда." [В. Аксенов. Ожог]

Лежащая в основе образа идея насильственного выведения пациента из состояния покоя наиболее близка идее нанесения телесных увечий (ср. 2.1.3.). Идиомы группы 2.1.6. характеризуются по сравнению с 2.1.3. несколько меньшей степенью интензивности. Это предположение легко проверить, подставив в контекст (14) идиому *оторвать голову* или *вырвать ноги*. Ср. однако, невозможность подстановки в этот контекст идиомы *взять в оборот*, хотя она и толкуется словарем [СФСРЯ 1987] как полностью синонимичная выражению *дать жизни* в интересующем нас значении.

Взять в оборот (так же, как и фиксируемые словарями, но значительно менее употребительные и, по-видимому, устаревшие идиомы *взять в переплет* и *взять в работу*) вызывает в сознании образ вовлечения в активные действия, что проявляется в особенностях употребления идиомы. Пациент, которого *берут в оборот*, вводится в личную сферу агенса; предполагается, что участники ситуации связаны (хотя бы на ближайшее время) некой совместной деятельностью. Этот компонент отсутствует в плане содержания идиом *дать жизни* и *дать духу*.

2.1.7. Для идиом *вставить фитиль, вставить клизму, вставить пистон* характерна идея униительности, что однозначно выводимо из специфики образной составляющей. Это показывает следующий контекст:

(15) "Потом уже, несколько дней спустя, размышляя о моих приключениях, я сначала заподозрил, что они имели место в обыкновенности, так сказать, но после мне вот что пришло на мысль: чтобы забитый русский газетчик да *вставил* такой *фитиль* районному руководству, этого в действительности никак не могло случиться, и я снова втерся в четвертое измерение, где самым естественным образом творятся такие махровые чудеса." [В. Пьецух. Четвертое измерение]

Ср. также несколько нестандартное, но сохраняющее идею униительности употребление этой идиомы у А.И. Солженицына:

(16) «Может быть – под давлением ортодоксов-благочестивцев, которые хотели все же по-своему в первый раз представить историю лагерей (себя – как главных страдальцев и главных героев); но скорее – мельче того: просто перехватить инициативу ("*вставить фитиля*")», обскакать Твардовского уже после трудного пути и выхватить приз первым.» [А.И. Солженицын. Бодался теленок с дубом]

Образ, лежащий в основе этой и сходных с ней по внутренней форме идиом вызывает представление о неопасной для жизни, но неприятной и униительной для пациента процедуре⁶. Замена идиомы *вставить фитиль* на любую другую идиому со значением "порицания/наказания" меняет значение высказывания, ср. *вставить фитиль районному руководству* vs. *дать жизни районному руководству* или *снять стружку с районного руководства*.

⁶ В нестандартных употреблениях типа *А осмелится кто нас пугать, / Тому мы мигом по ста в и м к л и з м у!* [А. Зиновьев. Зияющие высоты] роль образной составляющей не вполне ясна. Здесь выбор идиомы мог быть продиктован размером и рифмой, а также художественными задачами имитации малограмотной речи.

2.1.8. В заключение этого раздела хотелось бы обратить внимание на то, что предпринятое здесь описание корреляций между образной составляющей и особенностями значения идиомы, проявляющимися в ее употреблении, не следует понимать как попытку свести все семантическое своеобразие идиом к специфике образа. Иными словами, в идиоматике вряд ли можно говорить о "всюду-прозрачности" в смысле А. Вежибицкой (ср. [Фрумкина 1990; 1994: 100]). В качестве "отрицательного примера" можно привести идиому *показать кузькину мать*. Характер ее образа не вполне ясен. В словаре [ШФСРЯ 1989] она трактуется как полностью синонимичная идиоме *прописать ижицу* (ср. 2.1.4). Однако обращение к примерам показывает, что между ними существуют определенные семантические различия. Выражение *показать кузькину мать* не связано с идеей письменного распоряжения о наказании и предполагает скорее выяснение статусных отношений между участниками ситуации. Иными словами, *показать кузькину мать* – это не столько наказать пациента, сколько заставить его признать доминирующую роль агенса.

(17) «Бойтесь вы, что реваншисты в Бонне, / Что Вашингтон грозится перегнать, / Но сам Хрущев сказал еще в ООНе, / Что мы покажем кузькину им мать!» [В. Высоцкий. Письмо рабочих тамбовского завода китайским руководителям]

(18) «"У советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока" – помните? Да, это было, конечно, слишком, ну, а теперь-то что же? ... подайте гуманитарную помощь, братцы-буржуи, гоните кредиты, мать вашу, а ну-ка инвестиции вкладывайте, а не то... А не то красно-коричневые придут, уж вам покажут кузькину мать!» [Ю. Аракчеев. "Независимая газета"]

(19) «"Но мы, говорит, вскорости прикончим весь этот обман народного зрения под видом войны. Потому, говорит, нам вполне известно, что теперь надо всеми министрами состоит при царе свой мужик под именем Григорий Ефимыч, и он им всем кузькину мать покажет.» [Евг. Замятин. Слово предоставляется товарищу Чурыгину]

Эти семантические особенности, однако, никак не выводятся из с трудом поддающегося интерпретации образа идиомы⁷.

2.2. Идиомы "страха": к проблеме членения семантического поля на основе образа

2.2.0. В разделе 2.1. обсуждалась близкая задачам лексикографического портретирования проблема влияния специфики образа идиомы на ее актуальное значение и употребление в речи. В этом разделе нас будет интересовать в первую очередь возможность выделения некоторых образных инвариантов, коррелирующих с семантическими особенностями соответствующих идиом. Если образная составляющая является частью плана содержания идиомы, релевантной для ее функционирования, то, выделив образно близкие идиомы внутри того или иного семантического поля, мы получим группировки, обладающие определенным эвристическим потенциалом для вскрытия и описания некоторых особенностей значения соответствующих идиом.

Обсуждение этих проблем может рассматриваться в рамках решения задач по созданию тезауруса идиом, организованного по двум направлениям: "от концепта к образу" и "от образа к концепту" [Dobrovolskij 1995 : 135–137].

2.2.1. Обратимся к полю "страх" и попробуем найти способ его членения, отражающий семантическую неоднородность входящих в него идиом. Выбор этого поля мотивирован несколькими соображениями.

Во-первых, концептуализация эмоций (в отличие от концептуализации сущностей предметного мира) в особо значительной степени определяются языковыми факторами. Поскольку сфера эмоций недоступна прямому наблюдению, языковая фикса-

⁷ Не исключается, что глагол *показать* в составе идиомы в какой-то степени направляет ее семантическую спецификацию: "≡ п о к а з а т ь, кто здесь главный; п о к а з а т ь, кто здесь хозяин".

ция симптоматических реакций и физических состояний, устойчиво ассоциируемых с той или иной эмоцией, является основой, на которой в наивной картине мира формируются представления о сущностных характеристиках этой эмоции. Тропические в своей основе выражения образуют концептуальную базу для ментальной обработки "невидимых" феноменов. Мы можем онтологизировать наши эмоции, душевные переживания и психические реакции, если найдем способ перевести их из "невидимого" и неуловимого мира духа в "видимый" и объективируемый мир физических реакций (ср. понятие наивной картины человека в [Апресян 1995]). Из ведущей роли языка в концептуализации душевных состояний следует, что одна и та же эмоция, выраженная в языке разными способами, не тождественна самой себе. Следовательно, логично предположить, что для такого семантического поля, как "страх", рубрикация по образному основанию может обогатить имеющиеся представления о внутренней структуре этого поля.

Во-вторых, имеется уже достаточно серьезная традиция в изучении семантики "страха" (ср. [Иорданская 1970; Успенский 1979; Berhenholtz 1980; Kövecses 1990; Iordanskaja, Mel'čuk 1990; Wierzbicka 1990; Анна Зализняк 1992; В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян 1993; Ю.Д. Апресян 1995]), что существенно облегчает выполнение поставленной задачи. Для того, чтобы ответить на вопрос, прослеживаются ли между отдельными образными инвариантами и определенными семантическими особенностями хотя бы приблизительные корреляции, нужно предварительно структурировать исследуемое поле на основе тех или иных семантических оппозиций. Анализ соответствующих работ [Иорданская 1970; Bergenholtz 1980; Wierzbicka 1990; Апресян 1992], а также доступного нам лексического материала русского, немецкого, английского и нидерландского языков позволяет выделить для поля "страха" следующие семантические оппозиции:

- (i) сильный страх vs. страх, не маркированный по параметру интенсивности;
- (ii) страх в ожидании чего-либо плохого vs. как реакция на что-либо плохое;
- (iii) страх как "личная" эмоция (вызванная обстоятельствами, затрагивающими сферу личных интересов субъекта) vs. "отстраненная" эмоция;
- (iv) страх как контролируемое vs неконтролируемое чувство;
- (v) страх как внезапно наступившее состояние vs. состояние, наступление которого не характеризуется внезапностью;
- (vi) страх как продолжительное vs. кратковременное состояние;
- (vii) страх, вызванный непосредственным стимулом vs. отдаленными во времени и пространстве причинами.

С помощью этих оппозиций могут быть описаны семантические различия между отдельными лексическими единицами, обозначающими страх. Так, слова *страх* и *паника* отличаются друг от друга, в частности, тем, что человек, охваченный паникой, теряет контроль над своим поведением, в то время как *страх* не предполагает потерю самоконтроля. *Испуг* – это внезапно наступившее кратковременное состояние. *Испуг*, в отличие от *страха*, всегда вызывается непосредственным импульсом и является обычно менее интенсивным чувством. *Ужас* – более интенсивное чувство, чем *страх*, кроме того, *ужас*, как правило, выражает реакцию на нечто уже случившееся, а *страх* в стандартном случае относится к будущему. *Страх* – это очень "личная" эмоция (связанная с ожиданиями неприятностей для себя или близких людей), в то время как *ужас* может относиться к событиям и за пределами личной сферы субъекта. Если, например, развитие политической ситуации вызывает у нас чувство *страха*, это означает, что мы опасаемся за свое благополучие и за будущее наших детей. Если же мы воспринимаем те же самые политические события с *ужасом*, речь может идти и о не затрагивающей нас лично ситуации.

2.2.2. Как уже было сказано, наличие более или менее ярко выраженной образной составляющей является ингерентным свойством эмоциональных концептов. Имеющиеся описания "образов страха" можно условно разделить на (а) концепции базовой

метафоры и (б) экстенсивно ориентированные концепции. Для первых характерно стремление выделить ведущую метафорическую модель, для вторых – описать все метафорические и метонимические ипостаси страха.

2.2.2.1. В.А. Успенский, исходя из наличия в русском языке выражений типа *страх нападает* на человека, *охватывает*, *душит*, *сковывает*, *парализует* его, предлагает мыслить страх "в виде некоего враждебного существа, подобного гигантскому членистоногому или спруту, снабженному жалом с парализующим веществом" [Успенский 1979 : 146]. Интересно, что независимо от того, насколько осмысление страха как "враждебного существа" свойственно языковому сознанию современного носителя русского языка, в собственно идиомах эта метафорическая модель не представлена.

В.Ю. Апресян и Ю.Д. Апресян отмечают, что в этих случаях речь идет о мертвых метафорах (ср. также [Телия 1994 : 98]), и предлагают в качестве базовой метафору "холода": "реакция души на страх сходна с реакцией тела на холод" [В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян 1993 : 31]. Идея "холода" присутствует во внутренней форме ряда идиом, обозначающих страх, например, *страх леденит кровь*, *кровь стынет/леденеет в жилах*. Ведущая роль метафорической модели СТРАХ – ЭТО ХОЛОД поддерживается физиологически обусловленными симптомами, говорящими в пользу ее универсальности (ср. аналогичные наблюдения относительно метафорической модели ЯРОСТЬ – ЭТО ЖАРА в [Lakoff 1987]): рус. *дрожать от страха*, англ. *shiver with fright*, нем. *zittern vor Angst*, нидерл. *beven/bibberen van angst*, франц. *trembler de peur*, итал. *tremare dalla paura*. Одни и те же выражения могут обозначать реакцию на страх и реакцию на холод; например, *стучать зубами* можно как от холода, так и от страха.

Выделение метафоры "холода" в качестве базовой не означает, что образные составляющие всех идиом могут быть сведены к этой одной области источника, ср. такие идиомы, как *колени подгибаются*, *душа уходит в пятки*, *наложить в штаны*. Даже выражения *стучать зубами* и *дрожать как лист* не могут рассматриваться как "чистые" представители модели СТРАХ – ЭТО ХОЛОД, так как в них, помимо идеи "холода", осязимо присутствует идея "физической слабости"⁸ (см. 2.2.3.).

2.2.2.2. Экстенсивно ориентированная концепция представления семантики эмоций разрабатывается Дж. Лакоффом и З. Кёвечешем [Lakoff, Kövecses 1987; Lakoff 1987; Kövecses 1990]. В [Kövecses 1990 : 70–78] различают метонимические и метафорические способы выражения страха. К первым относятся симптомы типа потери способности двигаться (*she was frozen in her boots*), дышать (*she was breathless with fear*), говорить (*I was speechless with fear*), думать (*you scared me out of my wits*), ко вторым – метафорические модели типа СТРАХ – ЭТО ЖИДКОСТЬ В КОНТЕЙНЕРЕ (*fear was rising in him*), СТРАХ – ЭТО СТИХИЯ (*fear swept over him*).

С точки зрения поставленных в данном разделе задач этот способ описания вызывает два серьезных возражения. Во-первых, излишняя дробность в выделении различных "образов страха" затрудняет необходимые для тезаурусного представления обобщения. В некоторых случаях различия между отдельными "метафорами и метонимиями страха" выглядят искусственными и не поддающимися экспериментальной проверке. Так, З. Кёвечеш выделяет в качестве самостоятельных областей источника "злобного врага" ("a vicious enemy"), "мучителя" ("a tormentor"), "сверхъестественное существо" ("a supernatural being"), и "противника" ("an opponent"). Не вполне понятно, каким образом следует интерпретировать выражения типа *Страх охватил меня* или *На меня напал страх*: идет ли речь в этом случае о злобном враге, мучителе, сверхъестественном существе или противнике?

Во-вторых, разведение метафоры и метонимии в сфере языковой онтологизации эмоций вряд ли оправдано. Интерпретация выражений типа *поджилки трясутся* или

⁸ Сочетание смыслов "холод" и "физическая слабость" (безотносительно к метафорике "страха") характерно также для слова *озноб*.

волосы встали дыбом как метонимических указаний на внешние симптомы не отражает конвенциональной сути этих выражений. Речь идет не о языковой фиксации реальных симптомов, а о как бы-симптомах [Иорданская 1972: 7]. Иными словами, когда мы говорим, что у кого-то *дрожат колени*, мы не имеем в виду реальную внешнюю физиологическую реакцию на страх, а концептуализируем ненаблюдаемое через наблюдаемое по правилам метафорического переноса с опорой на знание об одном из возможных симптомов страха.

Компонент как бы (или как если бы [Телия 1990]) практически переводит стандартные симптоматические выражения из разряда метонимических в разряд метафорометонимических (о взаимопроникновении метафоры и метонимии см. [Goossens 1990]). Конвенциональная сущность стандартных симптомных выражений – а идиомы являются стандартными выражениями по определению – становится очевидной при нарушении конвенциональных правил. Когда А.П. Чехов в "Медведе" употребляет идиомы *мороз по коже дерет* и *поджилки трясутся* не в значении страха, а в значении симптомов злости, это воспринимается как сознательная языковая игра, как косвенное указание на нежелание или неспособность героя правильно оценить свое эмоциональное состояние (вспомним неожиданную развязку этого сюжета), хотя симптомы понижения температуры тела и дрожания конечностей не ограничиваются в реальном мире областью страха.

(20) "[Смирнов:] Как я зол сегодня, как я зол! От злости все *поджилки трясутся* и дух захватило... Фу! Боже мой, даже дурно делается! ... Потому-то вот я никогда не любил и не люблю говорить с женщинами. Для меня легче сидеть на бочке с порохом, чем говорить с женщиной. Брр!... Даже *мороз по коже дерет* – до такой степени разозлил меня этот шлейф! Стоит мне хотя бы издали увидеть поэтическое создание, как у меня от злости в икрах начинаются судороги. Просто хоть караул кричи." [А.П. Чехов. Медведь]

Исходя из этих соображений, в данной статье не проводится традиционного подразделения описываемых идиом на "симптомные" единицы (типа *зубы стучат от страха*) и единицы, основанные на чистой концептуализации, то есть описывающие непосредственно не наблюдаемые явления (типа *кровь стынет/леденеет в жилах*).

2.2.3. Наиболее адекватным для наших целей представляется способ описания образной составляющей идиом на основе нескольких метафорических моделей, выделяемых на некотором "среднем" уровне абстракции, сопоставимом с базовым уровнем категоризации.

Анализ фразеологического материала позволяет выделить для поля "страха" три метафорических модели⁹:

(а) ХОЛОД: *страх леденит кровь/сердце, кровь стынет/леденеет в жилах, волосы встали дыбом (от ужаса), мороз по коже (дерет), мороз/холод по спине, холодок бежит по спине, мурашки бегут/ползут по спине/по коже*;

(б) ДЕФЕКАЦИЯ: *полные штаны (от страха) у кого-л., наложить/наделать в штаны (от страха)*;

(с) ФИЗИЧЕСКАЯ СЛАБОСТЬ: *коленки/колени дрожат/трясутся/подгибаются, поджилки трясутся (от страха), душа ушла в пятки*.

Идиомы, восходящие к последней метафорической модели, могут быть подразделены на следующие подмножества:

(с') нарушение физиологически важных функций организма (остановка сердца, паралич и т.п.: *все оборвалось внутри, сердце упало, не мог даже пальцем пошевелить от страха*);

(с'') интенсивная реакция организма (например, сердцебиение, потоотделение: *сердце затрепетало, прошиб холодный пот*);

⁹ Идиомы с затемненной внутренней формой (типа *небо с овчинку показалось*) или с единичными, не имеющими аналогов образами (типа *бояться как черт лапана*) при этом не учитывались.

(с'') собственно слабость (например, неспособность держаться на ногах: *колени подгибаются*).

Эти подмножества коррелируют в известной степени с предложенными Л.Н. Иорданской сложными лексическими функциями Stop, Excess и Obstr [Иорданская 1972], которые в принципе могут служить основой для альтернативного описания идиом, выражающих страх. Представление такого рода наиболее адекватно и экономно описывает симптомы эмоций в терминах модели "Смысл ↔ Текст". Для наших целей оно, однако, вряд ли приемлемо, так как ориентировано не на семантический, а на глубинно-синтаксический уровень и направлено не на экспликацию образа, а на описание симптомных выражений как функций от двух аргументов: чувства (X) и части организма (Y), рассматриваемой как место симптомных изменений. В соответствии с этими принципами такие близкие по образной составляющей идиомы, как *колени дрожат* и *колени подгибаются* попадают в разные группы, т.к. описываются по двум разным лексическим функциям: Excess ("экстраординарное функционирование ног как симптом страха") и Stop ("остановка в функционировании ног как симптом страха"). С другой стороны, такие разные по образным составляющим и семантическим следствиям идиомы, как *наделать в штаны* и *обливаться холодным потом*, оказываются в одной группе, выделяемой на основе лексической функции Excess.

Метафорическая модель (b) может в принципе рассматриваться как частный случай модели (с), но с эвристической точки зрения выделение основанных на модели (b) выражений в отдельный класс представляется оправданным. Так, между идиомами типа *наложить/наделать в штаны (от страха)*, с одной стороны, и *поджилки трясутся* – с другой, интуитивно ощущаются семантические различия.

Модель СТРАХ – ЭТО ВРАЖДЕБНОЕ СУЩЕСТВО не выделяется, т.к. она, во-первых, не представлена в русской идиоматике¹⁰ (выражения типа *страх обуял* и тем более *страх охватил* не являются идиомами в точном смысле – ср. [Мельчук 1960]) и, во-вторых, как уже было сказано выше, не воспринимаются современным языковым сознанием как живая метафора.

Все выделенные метафорические модели представлены в идиоматике не только русского, но и других языков; нам известны примеры из немецкой, английской, нидерландской, французской, итальянской, литовской и венгерской фразеологии. По-видимому, можно говорить о принципиальной универсальности этих метафор, обусловленной их биологической мотивированностью. Высокий удельный вес универсального в концептуализации "страха" вполне естественен и, судя по всему, характерен и для других первичных, физиологически обусловленных эмоций. Отдельные метафорические модели могут выступать в комбинации друг с другом; например, "холод" и "физическая слабость" одновременно реализуются в идиомах типа *холодный пот прошиб*, *дрожать как осиновый лист*, *зубы стучат/зуб на зуб не попадает от страха*. Подобные идиомы являются элементами более чем одного подмножества и должны описываться соответствующим образом. Пересечение отдельных подмножеств само по себе не ставит под сомнение оправданность их выделения и в целом подтверждает тезис о принципиальной возможности взаимодействия различных метафор в рамках одного языкового выражения (см. об этом явлении [Lindner 1983: 146]).

2.2.4. Попробуем ответить на вопрос, существуют ли между отдельными семантическими признаками и выделенными по образному основанию группами идиом

¹⁰ При обращении к другим языкам и в особенности при сопоставительных исследованиях учет этой метафорической модели оказывается полезным [Добровольский 1994]. Метафора персонификации страха, не будучи представленной в русской идиоматике, достаточно типична для художественной литературы. Ср. у О. Мандельштама: «Страх берет меня за руку и ведет. ... Я люблю, я уважаю страх. Чуть было не сказал: "с ним мне не страшно!" Математики должны были бы построить для страха шатер, потому что он координата времени и пространства: они, как скатанный войлок в киргизской кибитке, участвуют в нем. Страх распрягает лошадей, когда нужно схватить, и посылает нам сны с беспричинно-низкими потолками.» [О. Мандельштам. Египетская марка]

хотя бы приблизительные корреляции. Обратимся сначала к описанным в разделе 2.2.1. семантическим оппозициям.

В целом создается впечатление, что все идиомы, обозначающие "страх", тяготеют к выражению интенсивного чувства, так что оппозиция "сильный страх vs. страх, не маркированный по параметру интенсивности" оказывается для них несущественной. Очевидно, для выражения нейтральных с точки зрения интенсивности эмоций, как правило, используются неидиоматические средства языка. Потребность прибегнуть к идиоме возникает у говорящего при ощущении, что стандартные обозначения оказывается в данном случае недостаточно выразительными. Сказанное, естественное, не означает, что между отдельными идиомами "страха" нет градуальных различий по степени интенсивности. Так, *леденящий сердце* страх в большинстве случаев сильнее страха, от которого *душа уходит в пятки*, ср. нежелательность взаимной подстановки этих идиом в контекстах (21) и (22).

(21) "Куда они так стремительно и дружно бегут и что держат в руках, нельзя понять, но *страх леденит сердце*. Киянов вжимается в бетон, пропадает в тени колонны, его не видно, а он хорошо и близко видит, как толпа пробегает мимо." [Ю. Трифонов. Время и место]

(22) "Брюлов сейчас от меня. Едет в Петербург скрепя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утешить и ободрить; а между тем у меня у самого *душа в пятки уходит*, как вспомню, что я журналист." [А.С. Пушкин. Письмо Н.Н. Пушкиной]

Однако, в целом установить какие-либо корреляции между метафорическими моделями и степенью интенсивности испытываемого чувства не представляется возможным. Вряд ли можно утверждать, что, например, идиомы "холода" всегда обозначают более сильный страх, чем идиомы "дефекации" или "физической слабости". Одна и та же ситуация может быть описана говорящим с использованием выражений *мороз по коже*, *наложить в штаны* и *колени дрожат*; выбор идиомы зависит скорее от отношения говорящего к субъекту эмоции, чем от степени ее интенсивности (см. раздел 2.2.5.).

Относительно оппозиций "ожидание чего-либо плохого vs. реакция на что-либо плохое" и «"личная" vs. "отстраненная" эмоция» можно с уверенностью выделить только идиому *волосы дыбом встают*, которая по своим семантическим особенностям скорее близка ужасу, чем страху. Столь разные по духу и стилю контексты, как (23) и (24) подтверждают это: и в том и в другом случае речь идет о реакции на нечто, с точки зрения говорящего, ужасное, что непосредственно не затрагивает сферу его личных интересов.

(23) «*Волосы дыбом у меня встали*, когда я узнал, что Гуськова и Долидзе тоже в прошлую ночь зверски изнасиловали на постах, одного в подъезде кооператива "Витязь", другого за пивным залом "Лада".» [Юз Алешковский. Маскировка]

(24) «Был ли у Соловьева чертик? Да, конечно же был. "Чертик" в том, что он кривлялся и выдумывал чертика, тогда как вся его жизнь – это сама по себе сплошная чертовщина. Его знаменитая речь по поводу первомартовской катастрофы – это уже такая дьяволиада, такое издевательство над реальностью, что *волосы встают дыбом*.» [Д. Галковский. Бесконечный тупик]

Заметим попутно, что словари не всегда фиксируют эту семантическую особенность идиомы *волосы встают дыбом*. В [ШФСРЯ 1989: 69], например, она толкуется как "кому-либо становится невыносимо страшно, боязно", т.е. идея "ужаса" никак не эксплицируется. "Ужас" появляется, однако, в толковании идиомы *небо с овчинку кажется* "становится тяжело, не по себе от страха, ужаса, боли и т.п." [ШФСРЯ 1989: 213], где это слово как метаязыковой элемент представляется неуместным, т.к. подстановка идиомы *небо с овчинку кажется* в (23), (24) и подобные им контексты недопустима.

Обнаружить корреляции между рассматриваемыми оппозициями и метафорическими

моделями также и в этом случае представляется затруднительным. Интуитивно можно предположить, что прочие идиомы "холода" напоминают по своему речевому поведению выражение *волосы встают дыбом*. Действительно, существует возможность употреблять идиомы "холода" для обозначения реакции на что-то уже случившееся, что не обязательно затрагивает личную сферу субъекта, ср. (25). Но легко найти и противоречащие примеры [ср. (21), (26), (27), где речь идет о "личной", обращенной в будущее эмоции].

(25) "Кто-то хочет сказать, что я проявляю нездоровый интерес к чужим карманам? Проявляю, но здоровый – я за этого мэра голосовал и хочу, наконец, понять, кто он такой и чем занят на этом посту. А вот мэр говорит, что это ничего, когда госчиновники совмещают госчин с бизнесом. Лицо доброе такое, а подумаешь, что говорит – *мороз по коже*." ["Столица"]

(26) "Он живо представил себе отсутствие себя в этой жизни... *Мороз пробежал по его спине*." [Л.Н. Толстой. Война и мир]

(27) "Он был мне больше чем родня, / Он ел с ладони у меня, / А тут глядит в глаза – и *холодно спине*." [В. Высоцкий. Дорожная история]

Относительно оппозиции "контролируемый vs. неконтролируемый страх" идиомы ведут себя нейтрально, т.е. их значение в явном виде не содержит элементов "паники". Исходя из логики образа, можно было бы предположить, что идиомы "дефекации" должны тяготеть к обозначению неконтролируемого страха, поскольку в основе их образности лежит боязнь человека потерять контроль над своими физиологическими функциями. Однако, это не так. Высказывания типа *Я, конечно, в штаны наложил, но виду не подал* ясно показывают, что сама по себе эта идиома не навязывает представлений о паническом страхе.

По признакам "внезапности", "продолжительности" и "непосредственности" чувства страха рассматриваемые идиомы обнаруживают определенные различия. Например, можно неделями и месяцами *дрожать как осиновый лист*, но нельзя неделями и месяцами **класть в штаны*. Может создаться впечатление, что идиомы, основанные на метафорической модели СТРАХ – ЭТО ДЕФЕКАЦИЯ, в целом тяготеют к передаче внезапно наступивших и недолго длящихся состояний, вызванных непосредственным стимулом (типа звука выстрела или неожиданно вынырнувшего из темноты вооруженного человека). Так, плохо сказать: *? Сидя в приемной зубного врача и ожидая своей очереди, он наложил полные штаны при норме Сидя в приемной зубного врача и ожидая своей очереди, он дрожал как осиновый лист / еле сдерживал дрожь в коленках*.

Эти ограничения, однако, связаны не столько с областью источника, сколько с семантическим классом соответствующего глагола: ср. нежелательность *? задрожал как осиновый лист*, *? затряслись колени/поджилки*, с одной стороны, и *? клал/делал в штаны от страха* – с другой. Если в приведенном выше предложении вместо *наложил полные штаны* подставить нечто вроде *с полными штанами* или *наложив в штаны* и произвести необходимые синтаксические трансформации, то полученное высказывание будет вполне соответствовать норме: *Он сидел в приемной зубного врача и ожидал своей очереди с полными штанами от страха / наложив полные штаны от страха*.

В тех случаях, когда идиома допускает выражение различных способов действия, ее речевое поведение является амбивалентным по отношению к рассматриваемым признакам. Так, *мороз подрал по коже* в (28) вызывает представление о внезапно наступившем, непродолжительном чувстве страха, вызванным непосредственной опасностью, а *мороз по коже подирает* в (29) – представление об эмоции, не характеризующейся внезапностью, кратковременностью и не связанной с непосредственной опасностью.

(28) "Вчера волостной писарь проходил поздно вечером, только глядь – в слуховое

окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло так, что у него *мороз подрал по коже*." [Н.В. Гоголь. Сорочинская ярмарка]

(29) "Отчего у меня – просто *мороз по коже подирает*, как только я подумаю, что мне надо, наконец, к ним съездить?" [И.С. Тургенев. Холостяк]

Ср. аналогично (30), с одной стороны, и (22), (31) – с другой:

(30) "Заметил, как он по сторонам оглядывается? А все от страху... так всего и боимся: щелкнет где, стукнет – у нас и *душа в пятки*." [Д.Н. Мамин-Сибиряк. В худых душах]

(31) "И думать позабыли, что у них дочь в опасности. Я их тоже, с своей стороны, уверяю, что ничего, дескать, а у самого *душа в пятки уходит*." [И.С. Тургенев. Уездный лекарь]

В целом можно констатировать, что между выделенными ранее оппозициями, которые характеризуют семантическую структуру поля "страха" (см. раздел 2.2.1.), и метафорическими моделями, структурирующими это поле по образному основанию, не прослеживается однозначных корреляций. В лучшем случае здесь можно говорить об определенных количественных предпочтениях. Причина этого кроется, однако, не в принципиальном отсутствии корреляций между отдельными метафорическими моделями и особенностями значения базирующихся на них идиом (это означало бы, что образная составляющая не влияет на речевое поведение лексических единиц и противоречило бы приведенным в разделе 2.1. фактам), а в том, что идиомы, по видимому, могут семантически противопоставлять друг другу по каким-то иным признакам, нежели слова, то есть семантические оппозиции, выявленные на материале слов в их прямых значениях (таких, как *страх, ужас, испуг, боязнь, паника*), оказываются не вполне адекватным инструментом для описания специфики идиоматических выражений.

2.2.5. Обратимся к примерам и попытаемся обнаружить семантические оппозиции, по отношению к которым идиомы "страха" оказываются более чувствительными. Рассмотрим несколько контекстов с идиомами, восходящими к метафорической модели СТРАХ – ЭТО ХОЛОД.

(32) "Вдруг все стихло. В тишине было слышно, как фыркает от пыли лошадь, но ее никто не видел, все смотрели вверх: там, покачиваясь, плыла голова, поднятая на копы. Одно ухо у нее было отрублено, на опущенных веках сидели мухи, ветер трепал рыжую бороду. Оскалив зубы, голова улыбалась римлянам, *по спицам* у них бежал холодок." [Евг. Замятин. Бич Божий]

(33) "[Светловидов:] Черная бездонная яма, точно могила, в которой прячется сама смерть... Брр!.. холодно! Из залы дует, как из каменной трубы... Вот где самое настоящее место духов вызывать! Жутко, черт подери... *По спине мурашки забегали*." [А.П. Чехов. Лебединая песня]

(34) "На дворе стояла, как тогда говорили, эпоха позднего реабилитанса. Позднего – потому что миллионы не дожили. Те же, кто дожил и вышел на свободу, рассказывали такое, от чего у обыкновенных людей *волосы дыбом вставали*." [М. Зараев. Провинция]

(35) «Поднимается Рюриков и скорбно морща свой догматический лоб: – Александр Исаевич! Вы просто не представляете, какой ужас пишет о вас западная пресса. *У вас волосы встали бы дыбом*. Приходите завтра в "Иностранную литературу", мы дадим вам подборки, вырезки.» [А.И. Солженицын. Бодался теленок с дубом]

Возможность замены употребленных в этих контекстах выражений на идиомы "физической слабости" (типа *колени подогнулись*) или "дефекации" представляется маловероятной. Причина этого видится в том, что практически во всех примерах употребления идиом "холода" [см. также (21), (23–29)] речь идет о чувстве, не наносящем ущерба достоинству субъекта и вызванному объективными причинами, которые рассматриваются говорящим как вполне серьезные. Субъект эмоции представляется не как пугливый, робкий по натуре человек, достойный осмеяния или со-

жаления, а испытываемое им чувство – как мотивированное и оправданное внешними обстоятельствами. Эта разновидность страха рассматривается скорее как "благородное", чем как "унизительное" чувство.

В отдельных случаях, особенно в нестандартных употреблении какие-то из этих признаков могут нейтрализоваться; например, в (36) нет указания на внешние причины испытываемого чувства (ср. также (26)), но его серьезность и благородство не подлежат сомнению.

(36) "Мне вечным холодом и льдом сковало кровь / От страха жить и от предчувствия кончины." [В. Высоцкий. Романс]

Ассоциации идиом "холодного страха" с серьезностью вызвавших его причин проявляются особенно наглядно в специфических контекстах типа (37). Поскольку причины испытываемого чувства, по мнению говорящего, недостаточно серьезны, он считает употребление идиомы *волосы встали дыбом* неуместным, на что в тексте имеются прямые указания.

(37) «Моя подруга – в своем роде мастер слова. Она говорит так: "Меня охватил дикий, неописуемый ужас, и *волосы на моей голове встали дыбом*" или "И я разрыдалась. Плечи мои тряслись..." В последнее время она повторяет эти душевраздирающие фразы чаще обычного: все ее разговоры – о том, как она пытается снять квартиру. Хотя *волосы становятся дыбом* и плечи трясутся не у всех, кто пытается это сделать, однако снять жилье – процесс трудоемкий, нервный и прямотаки разорительный.» ["Столица"]

В этом контексте можно представить себе появление практически любой идиомы группы (а), но не (b) или (с), ср.: *...кровь заледенела у меня в жилах; ...и мурашки поползли по моей коже; но ? ...и душа моя ушла в пятки; ? ...и у меня затряслись поджилки*, не говоря уже о ?? *...и я наделала в штаны*.

Идиомы метафорической модели СТРАХ – ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ СЛАБОСТЬ в целом могут быть противопоставлены по указанным признакам идиомам "холода". Например, человек, у которого *душа уходит в пятки*, в стандартном случае осмысливается как трусливый, а страх, который он испытывает – как преувеличенный, не оправданный реальными размерами опасности (ср. (30)). В контекстах от первого лица (22, 31) эти признаки до некоторой степени стираются, но и в этом случае говорящий объективно снимает свое состояние скорее внутренними, чем внешними причинами и не драматизирует его, как это имеет место в (37). Напротив, употребление идиомы *душа уходит в пятки* от первого лица имеет оттенок самоиронии. Весьма схожим образом ведут себя идиомы *коленки дрожат/трясутся/подгибаются, поджилки трясутся (от страха)*.

Отсутствие пиетета по отношению к этой разновидности страха особо заметно проявляется в игровых контекстах определенного типа:

(38) "Недавно это было подтверждено научным экспериментом: если человека в ровном расположении духа уравновесить на горизонтальной доске с точкой опоры посередине и напугать, *пятки поднимаются вверх*, так как в них *уходит душа*." [В. Матизен. "Столица"]

На "неблагородных" ассоциациях этой идиомы построено ее поэтическое употребление в (39). В первой реплике говорящий представляет субъекта чувства человеком трусливым и не заслуживающим уважения. В ответной реплике на основе материализации метафоры порождается совершенно новый, трагический образ, контрастирующий с образом "физической слабости", заложенным в идиоме и переосмысляемым в ее актуальном значении как "слабость духа".

(39) "Слабо стреляться – в *пятки*, мол, давно *ушла душа*. / Терпенье, психопаты и кликуши! / Поэты ходят *пятками по лезвию ножа* / И режут в кровь свои босые души." [В. Высоцкий. О фатальных датах и цифрах]

Противопоставленность по этим признакам "физической слабости" "холоду" становится очевидной при попытке подставить в контекст (39) идиомы группы (а). Так,

высказывание ? *Слабо стреляться – мороз, мол, по коже* воспринимается как ненормативное, но в принципе можно сказать *Слабо стреляться – в штаны, мол, наложил*. Таким образом, идиомы "холода" противопоставлены как идиомам "физической слабости", так и идиомам "дефекации"; разница между последними состоит в том, что идиомы "дефекации" изображают страх как еще более унижительное для испытывающего его человека чувство, а обусловившие его причины – как еще менее серьезные. Это страх, лишенный всякого благородства.

В целом для областей источника можно говорить о тернарной оппозиции: "холод" – "физическая слабость" – "дефекация", причем идиомы "физической слабости" (как средний член оппозиции) обнаруживают известную амбивалентность, коррелирующую с их образной гетерогенностью (см. раздел 2.2.3.). Наиболее нейтрально ведут себя выражения типа *дрожать как осиновый лист*, сочетающие образность "холода" и "физической слабости". Идиомы подгруппы (с') типа *все оборвалось внутри, сердце упало/захолонуло* по своим семантическим особенностям проявляют значительно большее сходство с идиомами группы (а), чем группы (b). Впрочем, в отличие от идиом "холода", *сердце захолонуло* в (40) обозначает страх, скорее идущий изнутри, чем обусловленный внешними обстоятельствами.

(40) "Елизавета Гавриловна не хотела спать. Она закрыла глаза, потому что стало скучно смотреть на суету людей в комнате. Увидела: сырой вымерзший за зиму откос, ярчайшая синева, бревна, вкопанные в землю, в глубине двора дом, собака на крыльце, злобная ездовая лайка, и *захолонуло от страха сердце*. Потому что пора решаться. Идти или нет?" [Ю. Трифонов. *Время и место*]

Итак, для идиоматики поля "страха" существенными оказались следующие три семантические оппозиции, определенным образом связанные между собой:

(i) "благородный" vs. "неблагородный" страх (т.е. страх как чувство, не снижающее статуса субъекта в глазах говорящего, vs. чувство, унижающее его достоинство);

(ii) страх как чувство, вызванное серьезными vs. несерьезными причинами;

(iii) страх как внутренне присущее субъекту состояние vs. как состояние, обусловленное чисто внешними причинами (т.е. страх как свойство природы, "страх труса" vs. страх как состояние, возникшее под воздействием внешних факторов).

Корреляции, выявленные между метафорическими моделями и данными семантическими оппозициями, носят не случайный характер, а подчиняются логике закрепленных в идиомах этого поля образов. Чем более "физиологичен" образ, тем менее "благородно" чувство, концептуализируемое с помощью этого образа. Образ "холода" ассоциируется с некоторой внешней по отношению к человеку силой, с которой он вынужден считаться, поэтому и "страх", выражаемый через "холод", осмысливается как чувство, обусловленное серьезными внешними причинами. Образы "физической слабости" и "дефекации", напротив, вызывают представление о внутренних состояниях человека, возникающих и без воздействия на него внешних сил. Предполагается, что в этом случае человек сам несет ответственность за свое состояние, в особенности за его внешние проявления. Неспособность владеть собой осуждается социумом. Исключение делается разве только для состояний, связанных с нарушением физиологически важных функций организма. "Страх", концептуализируемый с помощью этих образов, осмысливается как серьезное, хотя и скорее внутренне обусловленное чувство, не наносящее ущерба достоинству его субъекта. Когда в образе идиомы одновременно присутствуют идеи "холода" и "физической слабости", увеличивается степень зависимости семантических эффектов от контекста.

Предложенные семантические оппозиции обладают большей объяснительной силой, чем традиционные "стилистические" обоснования интуитивно ощущаемых различий в употреблении идиом "страха". Естественно, что стилистические характеристики лексических единиц, являясь реальным феноменом узуса, влияют на условия реализации этих единиц. Однако, существует ряд особенностей употребления, которые не могут быть объяснены со стилистических позиций. Например, несмотря на то, что идиомы *страх леденит сердце/кровь* и *мороз бежит по спине/по коже* явно различны по

стилистическим характеристикам, они обозначают весьма близкие по своим признакам эмоции, [ср. примеры (21) и (26)].

Из проведенного анализа можно заключить, что внутри определенных семантических полей возможно выделение отдельных подмножеств идиом на основе сходств и различий в характере их образной составляющей. Учет образной составляющей при описании структуры подобных полей и семантики соответствующих идиом представляется вполне целесообразным и эвристически оправданным. В целом анализ идиом семантических полей "порицания/наказания" и "страха" убеждает в правильности гипотез, сформулированных в начале раздела 2.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сделаем некоторые выводы. В идиомах с живой внутренней формой образная составляющая является элементом плана содержания и влияет на употребление идиомы в речи. Существенны при этом не индивидуальные представления, возникающие в сознании говорящего/слушающего, а производимые им операции над релевантными знаниями, сопряженными с буквальным прочтением идиомы.

Определенные группы идиом, выделяемые на основании близости их значения и образующие часть соответствующего семантического поля, могут быть структурированы по параметру образности. Эвристический потенциал подобной рубрикации повышается, если используемые в качестве критерия метафорические модели носят не слишком абстрактный характер и ориентированы на базовый уровень категоризации (ср. традиционно используемые в работах по когнитивной семантике "контейнерную" или "онтологическую" метафоры, с одной стороны, и выделяемые в разделе 2.2.3. образные инварианты – с другой).

Учет образной составляющей позволяет в ряде случаев подразделить множество идиом одного семантического поля на подмножества, близкие по сути (квази)синонимическим рядам, что в свою очередь создает предпосылки для более последовательной фиксации семантических сходств и различий между отдельными выражениями в структуре их толкования. Обращение к образу позволяет далее выделить для некоторых полей семантические оппозиции, не выявляемые на материале слов в прямом значении, являющихся ядерными элементами данного поля.

Образная составляющая помогает не только выявить семантические различия между близкими по значению идиомами в рамках одного поля, но и обнаружить связи между идиомами различных полей. Единый образный инвариант (например, метафора "грязи" в идиомах *сидеть (по уши) в дерьме* и *вытащить из грязи/из дерьма*) позволяет увязать друг с другом такие поля, как "безвыходная и/или унижительная ситуация" и "помощь, содействие". Исходя из этих соображений, следует отметить перспективность идеи тезауруса идиом с "двойным членением", т.е. тезауруса, предполагающего разбнение множества идиом на подмножества как по собственно понятийному, так и по образному основанию. Сопоставление обеих структур может дать нетривиальные результаты в плане исследования универсальных и специфических черт в сфере идиоматики, ср. [Dobrovolskij 1988].

Идиоматический тезаурус с "двойным членением" позволит выявить не только случаи, когда один концепт выражается с помощью различных образов, но и случаи, когда идиомы, относящиеся к семантическим полям, между которыми, казалось бы, отсутствует какая-либо связь, обнаруживают некоторую общность внутренней формы, ср. образ "удара по голове" в разных по значению идиомах: *врезать промеж глаз, как обухом по голове, как пыльным мешком пришибленный*. Если признать, что образная составляющая в идиомах с живой внутренней формой является частью их значения, следует согласиться и с тем, что отношения между идиомами, основанные на идентичности или близости образа, семантичны по своей сути. Это означает, что описание идиоматики, претендующее на полноту и эксплицитность фиксации отношений между выделенными группами идиом, должно учитывать и эти связи.

- Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. 1993 – Метафора в семантическом представлении эмоций // ВЯ. 1993. № 3.
- Апресян Ю.Д. 1992 – О новом словаре синонимов русского языка // ИАН СЛЯ. 1992. № 1.
- Апресян Ю.Д. 1995 – Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ. 1995. № 1.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. 1990 – Структуры знаний и их языковая онтологизация в значении идиом // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 303. Тарту, 1990.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. 1994 – Воскрешение метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. Ч. 2. М., 1994.
- Добровольский Д.О. 1988 – О возможности моделирования внутренней формы фразеологизмов // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. М., 1988.
- Добровольский Д.О. 1994 – Семантика идиом как переводческая проблема // Перевод и лингвистика текста. М., 1994.
- Зализняк Анна А. 1992 – Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.
- Иорданская Л.Н. 1970 – Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М., 1970.
- Иорданская Л.Н. 1972 – Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 16. М., 1972.
- Мельчук И.А. 1960 – О терминах "устойчивость" и "идиоматичность" // ВЯ. 1960. № 4.
- СФСРЯ 1987 – Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.П. Жукова. М., 1987.
- Телия В.Н. 1990 – Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеология в Машинном фонде русского языка. М., 1990.
- Телия В.Н. (ред.). 1991 – Макет словарной статьи для Автоматизированного толково-идеографического словаря русских фразеологизмов: образцы словарных статей. М., 1991.
- Телия В.Н. 1994 – "Говорить" в зеркале обиходного сознания // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
- Успенский В.А. 1979 – О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 11. М., 1979.
- Фрумкина Р.М. 1990 – О прозрачности естественного языка // Язык и структура знаний. М., 1990.
- Фрумкина Р.М. 1994 – Прагматика: новый взгляд // Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1994.
- ФСРЯ 1986 – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1986.
- ШФСРЯ 1989 – Жуков В.П., Жуков А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка. М., 1989.
- Bergenholtz H. 1980 – Das Wortfeld "Angst". Eine lexikographische Untersuchung mit Vorschlägen für ein großes interdisziplinäres Wörterbuch der deutschen Sprache. Stuttgart, 1980.
- Cacciari C., Glucksberg S. 1991 – Understanding idiomatic expressions: The contribution of word meanings // Understanding word and sentence. Amsterdam, 1991.
- Cacciari C., Rumati R.J., Glucksberg S. 1992 – The role of word meanings, transparency and familiarity in the mental images of idioms // Proceedings of IDIOMS. Tilburg, 1992.
- Dobrovol'skij D. 1988 – Phraseologie als Objekt der Universalienlinguistik. Leipzig, 1988.
- Dobrovol'skij D. 1995 – Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome. Tübingen, 1995.
- Gibbs R.W. 1990 – Psycholinguistic studies on the conceptual basis of idiomaticity // Cognitive linguistics. 1990. № 1–4.
- Gibbs R.W. 1993 – Why idioms are not dead metaphors // Idioms: processing, structure, and interpretation. Hillsdale (New Jersey), 1993.
- Gibbs R.W., O'Brien J. 1990 – Idioms and mental imagery: The metaphorical motivation for idiomatic meaning // Cognition. V. 36. 1990. № 1.
- Goossens L. 1990 – Metaphtonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // Cognitive linguistics. 1990. № 1–3.
- Iordanskaja L., Mel'čuk I. 1990 – Semantics of two emotion verbs in Russian: *bojat'sja* "to be afraid" and *nadejat'sja* "to hope" // Australasian journal of linguistics. V. 10. 1990. № 2.
- Kövecses Z. 1986 – Metaphors of anger, pride, and love. Amsterdam; Philadelphia, 1986.
- Kövecses Z. 1990 – Emotion concepts. Berlin; New York, 1990.
- Lakoff G. 1987. – Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago; L., 1987.
- Lakoff G. 1993 – The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought. Second edition. Cambridge, 1993.
- Lakoff G., Johnson M. 1980 – Metaphors we live by. Chicago; L., 1980.
- Lakoff G., Kövecses Z. 1987 – The cognitive model of anger inherent in American English // Cultural models in language and thought. Cambridge (Mass.), 1987.

- Lindner S.J.* 1983 – A lexico-semantic analysis of English verb particle constructions. Trier, 1983.
- Longman* 1979 – Longman dictionary of English idioms. Harlow; L., 1979.
- Mel'čuk I.A., Reuther T.* 1984 – Bemerkungen zur lexikographischen Beschreibung von Phraseologismen und zum Problem unikalier Lexeme (an Beispielen aus dem Deutschen) // Wiener Linguistische Gazette. 1984. № 33–34.
- Nayak N.P., Gibbs R.W.* 1990 – Conceptual knowledge in the interpretation of idioms // Journal of experimental psychology: General. V. 119. 1990.
- Rayner K., Frazier L.* 1989 – Selection mechanisms in reading lexically ambiguous words // Journal of experimental psychology: learning, memory and cognition. V. 15. 1989.
- Rosch E.* 1978 – Principles of categorization // Cognition and categorization. Hillsdale (New Jersey), 1978.
- Simpson G.B.* 1981 – Meaning dominance and semantic context in the processing of lexical ambiguity // Journal of verbal learning and verbal behavior. V. 20. 1981.
- Tabossi P.* 1988 – Accessing lexical ambiguity in different types of sentential context // Journal of memory and language. V. 27. 1988.
- Wierzbicka A.* 1990 – The semantics of emotions: fear and its relatives in English // Australian journal of linguistics. V. 10. 1990. № 2.